

УДК 316.4

DOI: 10.17223/1998863X/43/14

Ю.А. Зубок, В.И. Чупров

РИСКОГЕННОСТЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ

Риски становятся социальными, аккумулируются в ходе конструирования людьми собственной социальной реальности и конкретизируются в представлениях о ней, влияя на восприятие не только внешней среды, но и своей жизни. Анализ связи проводился на основе данных экспертного и массового опросов в регионах с максимальным и минимальным уровнем экологических и техногенных рисков, оказывающих влияние на социокультурный субсредовый локус. Отмеченные экспертами угрозы – разрушение исторических и культурных объектов, исторически сложившейся культурной инфраструктуры и базовых оснований национального самосознания – по-разному рефлексировались населением.

Ключевые слова: культурная среда обитания, угрозы, риск, социальные настроения.

1. Рискогенность социокультурной среды

Современная цивилизация, ставшая, по выражению Д. Белла, первым мирным средством приумножения собственных богатств, внесла множество противоречий в жизнедеятельность людей. Во всем разнообразии они проявляются там, где достижение комфорта сопровождается существенными трансформациями среды обитания, где свобода, дарованная новыми технологиями, входит в противоречие с амбивалентностью их влияния на среду обитания, где взаимодействие техники и человека в единой системе грозит отчуждением людей и их вытеснением из привычных ниш, где формирование новых рационально-технологических принципов взаимодействий входит в противоречие с этическими представлениями, а возможности регулирования противоречий и компетентностный уровень людей не успевают за интенсивностью изменений.

Подобные противоречия становятся объективной базой эскалации неопределенности и расширения пространства рисков в социальной среде обитания различных социальных групп. Внедряясь во все без исключения сферы – техническую, природную, информационную, социокультурную, они становятся частью повседневной жизни людей в среде обитания. Вследствие взаимодействия с рискогенной средой изменения происходят в сознании, эмоциональном состоянии и поведении людей. А риски становятся *социальными*. Они аккумулируются в ходе конструирования людьми собственной социальной реальности и конкретизируются в представлениях о ней, влияя на восприятие не только внешней среды, но и себя. В результате риск как объективная характеристика социальной действительности сопровождается формированием субъективного образа социальной реальности как рискогенной, отличающейся высоким потенциалом репродуцирования средового и деятельностного риска.

В какой бы части среды обитания ни концентрировался рискогенный потенциал, для человека нарушение в любом из субсредовых локусов сопряжено с большей или меньшей дестабилизацией жизни. А степень влияния техногенных или информационных угроз ничуть не уступает по силе рискогенного воздействия изменениям в сфере культуры, т.е. в так называемом социокультурном локусе.

Он охватывает все пространство культуры как совокупности достижений материального и духовного мира, артефактов, идей и смыслов, ценностно-нормативных образцов, способов организации и регулирования жизнедеятельности. Различные объекты и явления традиционной и современной культуры, с которыми молодые люди сталкиваются в повседневной жизни, отражаются в их сознании в ценностной форме, приобретая статус культурного наследия. Благодаря их аккумуляции в рамках социокультурного локуса и трансляции в специфических формах памяти уравниваются два темпоральных состояния – меняющейся современности и прошлого [1. С. 38; 2]. В этом своем проявлении социокультурный локус является неотъемлемой частью механизма социальной интеграции и средством связи прошлого и настоящего в среде обитания, обеспечивая ее целостность. Одновременно с этим культура наполняет взаимодействия людей в среде их обитания жизненными смыслами и определяет на индивидуальном, групповом и общественном уровнях отношение друг к другу, к природе, самому культурному наследию, его сущности и социальной значимости.

Современное состояние социокультурного субсредового локуса характеризуется изменениями в различных его аспектах, последствия которых молодыми людьми могут восприниматься как рискогенные, а могут таким статусом не наделяться. При этом изменения в области материальных ценностей (историко-культурные и природные ландшафты, архитектура и т.п.) могут связываться с одними видами риска, а нематериальных (элементы сознания, нормы, ценности, образцы поведения) – с другими. По-разному могут интерпретироваться и факторы рискогенных изменений.

Существующие экспертные исследования показывают, что риски, связанные с разрушением материальной части социокультурного локуса, обусловлены и естественными (природными), и антропогенными факторами. Если в первом случае ущерб причиняется климатическими условиями региона (уровнем влажности, температурным режимом и т.д.) и прочими природными катаклизмами (подтоплениями, биопоражениями, оползнями и т.п.), то во втором потери спровоцированы действиями людей – от прямого разрушения до опосредованного наступления техногенных структур на привычное социокультурное окружение [3].

С одной стороны, ущерб культурно-историческим памятникам и памятникам ландшафтной архитектуры может быть нанесен химически агрессивной средой, загрязнением воздуха, вибрацией от тяжелой техники и колебаниями почвы. С другой – расширением земельных угодий, применяемых для хозяйственных целей, наращиванием культурного слоя, особенно в городской среде, нарушением температурного режима, что приводит к ослаблению фундамента и стен построек с последующим искажением их внешнего вида и разрушением.

Недостатки и несоблюдение правового обеспечения охраны памятников, неэффективная работа государственных структур по контролю над их сохранением и использованием открывают возможности для несанкционированного строительства, отсутствия регламента застройки, передачи вместе с землей находящихся на ней памятников приводит к массовой гибели объектов культурно-исторического наследия в стране.

Коммерческое строительство, распродажа земель в охранных зонах, демонтаж исторических зданий с целью выгодного использования материалов, поджоги на коммерчески привлекательных территориях и освобождение земель под новое строительство признаны едва ли не главными причинами утраты памятников. Одновременно отсутствие научного и профессионального подходов к реставрации, подмена ремонтно-реставрационных работ коренной перестройкой, достраиванием и перепланировкой объектов культуры, замена исторических комплексов копиями также являются фактором массового сокращения подлинных памятников истории и культуры [3], внося свою лепту в разрушение материальной части социокультурного субсредового локуса.

Культурный нигилизм и утилитарный подход в отношении к памятникам культуры, вульгарная рационализация в оценке их значимости, коррумпированность местной власти и слабость общественного контроля, подмена исторической ценности коммерческой, неоправданное обновление и перестраивание, превращение культурных памятников в средство извлечения прибыли и предмет формального знаково-символического обмена фатально отражаются на деформации культурной среды обитания на всей территории РФ. В ряде случаев одновременно проявляются все факторы риска.

Риски, характерные для материальной части культурного субсредового локуса, возникают на фоне фундаментальных трансформаций другой его составляющей, относящейся к сфере нематериальных культурных ценностей. Рискогенность среды обитания в этом аспекте связана с переформатированием смысложизненных ориентиров и механизмов взаимодействия людей друг с другом и с окружающей средой, а также способов их саморегуляции. Культурные нормы теряют однозначность и всеобщий характер, не гарантируя предсказуемость взаимодействий в среде обитания. Пространство культуры наполняется множеством автономных самоорганизующихся акторов, создающих новые смыслы и конструирующих на их основе новую культурную реальность. Смешиваясь с традиционными, они со временем становятся частью культурного наследия. Сам процесс переформатирования аксиологических структур представляет собой конкуренцию противоречивых смыслов, когда общество, выстраивая новую смысловую матрицу, переживает драматичный этап апробации новых образцов, сопряженный с утратой «онтологической безопасности» (Э. Гидденс) как необходимого чувства уверенности в преэминентности и постоянстве окружающего мира [4. С. 60].

Нарушение преэминентности и постоянства возникает во всех случаях, когда изменяется привычная среда обитания в ее материальной и нематериальной части. Снижение уровня безопасности приводит к повышению рискогенности социокультурного средового локуса в целом. И хотя в зависимости от «доминантного тезауруса» (В.А. Луков) рискогенными могут признаваться прямо противоположные процессы, когда для одних угрозой является утрата

традиционных смыслообразующих начал, а для других, напротив, их сохранение и реставрация. Между тем всякой социокультурной системе свойственно стремление и к изменению, и к самосохранению, и в противоречии между этими крайними тенденциями формируются конкретные модели развития. При этом воспроизводство традиционных элементов культуры является предметом заботы не только в связи с сохранением исторической и культурной уникальности, но и как один из элементов механизма постепенных преобразований, не отягощенных состоянием полной социальной неопределенности.

Поэтому рискогенность социокультурной среды обитания связывается с угрозами разрушения исторически сложившейся культурной инфраструктуры, с одной стороны, и базовых оснований национального самосознания – с другой. В культурной инфраструктуре возникают средовые риски, связанные с сохранением и воспроизводством материальной составляющей социокультурного локуса – исторических и культурных объектов, относящихся к культурному наследию. К средовым рискам относится разрушение исторических и культурных объектов под влиянием климатических, природных, техногенных факторов, а также деятельности самого человека – проявления вандализма, несанкционированный снос памятников, халатное отношение к их сохранению.

В нематериальной составляющей социокультурного локуса референтами риска выступили утрата исторической памяти; изменение или распад культурных традиций, деформация оснований культурной идентичности; разрушение этических норм; нарушения прав и свобод на основе национальных и религиозных различий, проявления дискриминации; возникновение неформальных объединений контркультурной направленности.

Каждый из показателей по-своему отражается в настроениях молодых людей, живущих на определенной территории.

2. Состояние социокультурного субсредового локуса

В 2016 г. число памятников истории и культуры, зарегистрированных в едином Госреестре, составило 79 628 объектов, что на 44% превышало показатели 2015 г. (35 547 памятников) [5. С. 51]. В 2012–2016 гг. отмечалась в целом возрастающая динамика расходов из консолидированного бюджета Российской Федерации на культуру [6. С. 60]. Расходы государственных внебюджетных фондов выросли на 24,3%. В то же время доля указанных расходов в структуре ВВП за последние годы снизилась, составив в 2016 г. 0,49% ВВП. Только за период 2014–2015 гг. расходы в номинальном выражении уменьшились на 8,1 процента. А объем выделенных финансовых средств за последние 3 года (2014–2016 гг.) сократился с 97,8 млрд рублей в 2014 г. до 87,3 млрд рублей в 2016 г., т.е. на 0,1% ВВП. Нестабильное финансовое положение в сфере культуры сопровождается множественными нарушениями в организации функционирования и использования культурных объектов. Отсутствие финансирования, устойчивая практика нарушений и недостатки охранной деятельности усугубляют ущерб, наносимый культурному наследию природными и техногенными факторами. Как следствие, среди памятников, стоящих на государственной охране, в хорошем состоянии находились в 2012, 2013 и 2015 гг. соответственно 15, 14 и 14,27%. В удовлетворитель-

ном – 61, 58 и 57,06%. В неудовлетворительном – 18, 19 и 20,7%. В аварийном – 4, 6 и 5,88%. В руинированном – 2, 3 и 2,09% [6]. Не сложно заметить ухудшение состояния памятников культуры в стране, среди которых почти каждый третий находится в критическом состоянии.

Для более детального анализа рискогенности социокультурного субсредового локуса были взяты регионы, выделенные ВНИИ ГОЧС МЧС России¹ на основе данных об уровне экологического и техногенного риска. С помощью ранжирования субъектов РФ по критериям «уровень техногенной безопасности» и «уровень экологической безопасности» было отобрано 10 регионов с максимальным и минимальным уровнем экологических и техногенных рисков: Костромская, Саратовская, Брянская, Кировская, Тверская, Нижегородская, Амурская области; Краснодарский край, Республика Адыгея и Карачаево-Черкесская Республика².

По статистическим показателям развития культуры в этих регионах (доли расходов на культуру в консолидированном бюджете субъектов РФ, расходов в расчете на душу населения, степень сохранности и разрушения памятников) наименее благоприятным положением дел отмечаются Костромская, Тверская, Брянская, Нижегородская и Кировская области. По показателю аварийности и руинированности объектов названные области относятся к регионам с максимальным уровнем угроз социокультурной безопасности. Показатель доли расходов на культуру в консолидированном бюджете регионов варьируется в диапазоне от 3,79% в Тверской области до 1,98% в Карачаево-Черкесской Республике. В них прослеживается связь доли расходов на культуру с состоянием памятников. Однако в других регионах, в том числе с максимальным уровнем угроз, такая связь отсутствует, притом что выделенных средств не хватает на поддержание объектов культуры в должном состоянии. Очевидно, не только недостаток финансирования, но и характер распределения средств являются факторами рискогенности социокультурной среды обитания.

Оценка угроз безопасности проводилась на основании экспертного опроса по следующим показателям: разрушение исторических и культурных объектов в регионе; проявление вандализма, надругательства над историческими памятниками; несанкционированный снос памятников; утрата исторической памяти в различных группах населения; изменения или утрата культурных традиций; кризис культурной идентичности в различных группах населения; разрушение культурных оснований национально-этнической и религиозной идентичности населения; разрушение нравственных ценностей и моральных норм среди населения; проявление дискриминации, нарушение прав и свобод граждан на основе национальных и религиозных различий; возникновение

¹ Всероссийский научно-исследовательский институт по проблемам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций МЧС РФ.

² В каждом регионе был проведен экспертный и массовый опрос. В состав экспертов входили профильные специалисты отраслевых организаций, административные работники и государственные служащие, сотрудники профильных кафедр высших учебных заведений и НИИ, специалисты общественных организаций. Всего в опросе участвовало 120 экспертов. Экспертиза проводилась путем независимой оценки экспертами природных, техногенных, информационных, социокультурных угроз для населения регионов и экспертного заключения о путях их минимизации как факторов социальных рисков. Опрос населения проводился по репрезентативной выборке в 59 населенных пунктах 10 субъектов Российской Федерации среди жителей старше 18 лет методом личного интервью по месту жительства. Всего опрошено 3400 человек.

неформальных объединений контркультурной направленности. Для сравнительного анализа угроз используем индекс вероятности возникновения угроз (ИБВУ)¹. В результате ранжирования полученных экспертных оценок на первые три места вышли угрозы разрушения базовых оснований национального самосознания населения регионов – нравственных ценностей и моральных норм (ИБВУ = 41,5), исторической памяти (27,7), культурных традиций (обычаев, нравов, обрядов, ритуалов) (21,6). А на четвертое и пятое места – угрозы разрушения исторически сложившейся культурной инфраструктуры: соответственно разрушения исторических и культурных объектов (ИБВУ = 17,4), проявления вандализма, надругательства над историческими памятниками (ИБВУ = 5). Отрицательные значения индексов соответствуют низкой вероятности возникновения угроз.

Сравнение полученных данных с аналогичными показателями в регионах с максимальным уровнем угроз (в Костромской, Тверской, Брянской, Нижегородской и Кировской областях) показывает, что в этих регионах значимость угроз отличается. Доминирующей угрозой эксперты сочли возможное разрушение исторических и культурных объектов (ИБВУ = 60), отметив критическое состояние исторически сложившейся культурной инфраструктуры в этих регионах, а также угрозы разрушения базовых оснований национального самосознания.

Для анализа рискогенности социокультурной среды имеет значение степень рефлексии угроз в различных группах населения. На основе результатов социологического исследования рассмотрим возрастные различия в отношении к существующим угрозам среди молодежи в возрасте до 30 лет и в старших возрастных группах.

Данные показывают, что в среднем каждый третий респондент в возрасте 18–24 лет (28,1%) и 25–29 лет (29,4%), а также старше 30 лет (33%) видит угрозы в социокультурной среде своего региона. Хотя в целом доля респондентов, не замечающих такие угрозы, превышает половину от общего числа опрошенных, нельзя не отметить достаточно высокий уровень рискогенности в социокультурной среде обитания россиян. При этом оценки угроз в социокультурном локусе повышаются с возрастом респондентов. Особенно заметны различия в оценках вандализма, надругательства над историческими памятниками (30,5% среди молодежи в группе 18–24 лет, 34,3% в группе 25–29 лет и 37,2% среди населения старше 30 лет); утраты исторической памяти (соответственно 31,3; 31,8; 38,4%); изменения или утраты культурных традиций (39,5; 44,6; 47,8%); разрушения нравственных ценностей и моральных норм (43,9; 44,3; 53,3%).

Анализ поколенческой дифференциации оценок рассматриваемых угроз в регионах с максимальным их уровнем (в Костромской, Тверской, Брянской, Нижегородской и Кировской областях) показывает, что и молодежь, и представители старших возрастных групп адекватно оценивают критическое состояние культурных объектов в этих регионах, подтверждая выводы экспертов. В регионах с максимальным уровнем угроз население чувствительнее к

¹ «Индекс вероятности возникновения угроз» (ИБВУ) рассчитывается как разница между значениями распространенности угроз социокультурной безопасности (широко распространены и отдельные проявления) и значениями отсутствия угроз. При этом для значений отдельных проявлений вводится понижающий коэффициент 0,5.

угрозам разрушения исторических и культурных объектов (33,8 против 28,9% среди молодежи в группе 18–24 лет, 38 против 33,1% в группе 25–29 лет и 49,6% против 33,5% среди населения старше 30 лет), а также к угрозам несанкционированного сноса исторических памятников (соответственно 15,8 против 11%, 14 против 10,3%, 21 против 14,4%. Среди молодежи 25–29 лет возрастает значимость угрозы разрушения нравственных ценностей и моральных норм (с 44,3% во всех исследуемых регионах до 48% в регионах с максимальным уровнем угроз).

Как уже отмечалось, состояние памятников культуры во многом зависит от природно-экологических и техногенных факторов. Для анализа влияния этих факторов были выделены регионы с максимальным уровнем природно-экологических и техногенных рисков. В основу отбора положены оценки населением этих регионов возникновения соответствующих угроз. Максимальный процент утвердительных ответов на вопрос о возникновении в регионе чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера по каждому виду угроз использован для оценки этих видов риска в регионе.

Максимальные средние суммарные значения угроз природно-экологического характера отмечены в Амурской области (76,1% населения указали на возникновение чрезвычайных ситуаций природного характера), Нижегородской (68,2%) и Костромской (66,9%), а техногенного – Республика Адыгея (67,3%), Кировская (63,4%) и Саратовская (49,3%) области.

Выделив регионы с максимальным уровнем природно-экологических и техногенных рисков, оценим озабоченность населения этих регионов угрозами разрушения исторических и культурных памятников. Как показало исследование, существование такой угрозы отмечают 42,3% респондентов в регионах с максимальным уровнем природно-экологических рисков, 30,1% – в регионах с максимальным уровнем техногенных рисков и 19,7% – в остальных регионах (в Брянской области, в Карачаево-Черкесской Республике, в Краснодарском крае, в Тверской области).

Таким образом, прослеживается комплексный процесс формирования рискогенности социокультурного субсредового локуса. Наибольшее влияние на состояние памятников культуры оказывают природно-экологические и техногенные факторы, способствующие возникновению средовых рисков. Недостаточное финансирование культуры и нерациональное распределение выделенных средств в регионах повышают уровень средовых рисков в материальной составляющей социокультурного локуса. В рискогенной среде возникают угрозы базовым основаниям культурной идентичности, вызывая рост социальной напряженности.

3. Связь рискогенности социокультурной среды с социальными настроениями

Осознание угроз, связанных с разрушением социокультурной среды обитания, в той или иной мере проявляется в настроениях различных групп. В процессе осмысления причин и последствий этих угроз для безопасности собственных условий существования настроения приобретают социальный характер. Они проявляются в отношении к жизни, в удовлетворенности ее условиями по месту жительства, в уровне социальной напряженности в регионе.

Проанализируем, как оцениваются угрозы социокультурной безопасности в связи с оценками своей жизни разными возрастными группами. Наличие угроз определялось по шкале «наличие – отсутствие» («существуют – не существуют»), а характеристики условий жизнедеятельности определяем в терминах «стабильная и безопасная» или «неопределенная и рискованная». Уровень стабильности внешних условий жизни оценивался по семибалльной шкале, где 1 – максимальный уровень стабильности и безопасности, а 7 – максимальный уровень неопределенности и риска. Как видно, среди респондентов, признающих существование угроз в социокультурном субсредовом локусе, суммарные значения оценок стабильности и безопасности жизни (1 + 2 + 3) заметно ниже по сравнению с соответствующими оценками респондентов, отрицающих существование угроз (табл. 1).

Таблица 1. Связь угроз социокультурной безопасности с оценками уровня стабильности своей жизни

Угроза	Наличие	Оценка своей жизни по семибалльной шкале, %					
		Молодежь 18–29 лет			Население старше 40 лет		
		1 + 2 + 3	4	5 + 6 + 7	1 + 2 + 3	4	5 + 6 + 7
Разрушение памятников культуры	Существуют	26,4	40,0	33,6	33,8	32,6	33,6
	Не существуют	41,0	35,4	23,6	48,1	30,6	21,3
Утрата исторической памяти	Существуют	30,5	40,2	29,3	38,7	33,9	27,4
	Не существуют	38,0	33,6	28,4	46,3	29,2	24,5
Утрата культурных традиций	Существуют	34,2	34,2	31,6	43,0	32,4	24,6
	Не существуют	36,0	40,7	23,3	43,0	28,9	28,1
Разрушение нравственных норм	Существуют	34,9	35,7	29,4	43,0	29,3	27,7
	Не существуют	35,3	40,4	24,3	43,3	32,3	24,4
Средние суммарные значения	Существуют	31,5	37,5	31,0	39,6	32,0	28,3
	Не существуют	37,6	37,5	24,9	45,2	30,2	24,5

Данные, представленные в табл. 1, подтверждают наличие искомой связи. Соотношение средних суммарных значений оценок стабильности своей жизни среди молодежи составляет 31,5 к 37,6%, среди родителей – 39,6 к 45,2%. И наоборот, доля респондентов, оценивающих свою жизнь как неопределенную и рискованную (5 + 6 + 7), выше среди респондентов, признающих существование угроз в социокультурном локусе. Соотношение средних суммарных значений среди молодежи – 31 к 24,9%, среди родителей – 39,6 к 28,3%. Иначе говоря, и молодежь, и родители, озабоченные угрозами разрушения памятников культуры, утраты исторической памяти, культурных традиций, разрушения нравственных норм, в большей степени склонны считать, что в их жизни преобладают неопределенность и риск, а не замечающие угроз оценивают и собственную жизнь как стабильную и безопасную.

Изменения в социокультурном субсредовом локусе и рост его рискогенности, таким образом, являются основой деструкции онтологической безопасности в разных поколениях россиян. Не случайно оценки молодежью уровня неопределенности и риска по семибалльной шкале в регионах с максимальным уровнем угроз выше, чем в других регионах. Наиболее высокие значения неопределенности и риска, полученные на основе средневзвешенного коэффициента К, отмечены в Костромской (К = 4,1), Тверской (К = 3,89) и Кировской (К = 3,68) областях.

Данные показывают наличие связи между уровнем рискогенности и удовлетворенностью условиями жизни в среде обитания (табл. 2).

Таблица 2. Связь угроз социокультурной безопасности с удовлетворенностью условиями жизни

Угроза	Наличие угроз	Степень удовлетворенности условиями жизни, %*							
		Молодежь 18–29 лет				Население старше 40 лет			
		Полностью удовлетворен	Скорее удовлетворен	Скорее не удовлетворен	Совершенно не удовлетворен	Полностью удовлетворен	Скорее удовлетворен	Скорее не удовлетворен	Совершенно не удовлетворен
Разрушение памятников культуры	Существуют	10,8	32,2	24,4	11,2	8,9	29,8	22,7	8,5
	Не существуют	16,9	40,5	18,6	5,2	15,0	39,6	20,5	5,0
Утрата исторической памяти	Существуют	10,2	41,4	21,9	7,4	9,9	34,5	22,0	5,5
	Не существуют	16,4	36,5	20,4	7,0	14,9	37,5	21,2	6,7
Утрата культурных традиций	Существуют	11,2	37,5	25,7	7,4	11,3	34,3	22,3	5,1
	Не существуют	16,8	36,5	17,9	7,4	13,0	38,4	20,9	6,5
Разрушение нравственных ценностей	Существуют	15,1	34,6	21,5	7,8	11,9	33,6	22,0	6,7
	Не существуют	15,1	39,8	18,7	7,1	13,2	40,6	19,9	6,2
Средние суммарные значения	Существуют	11,8	36,4	23,4	8,5	10,5	33,0	22,2	6,4
	Не существуют	16,3	38,3	18,9	6,6	14,2	39,0	20,6	6,1

* Меньше 100%, так как не приводятся данные о затруднившихся ответить.

Средние суммарные значения удовлетворенности в обеих поколенческих группах, приведенные в табл. 2, оказываются ниже среди признающих наличие угроз. Среди молодежи полную и частичную удовлетворенность условиями жизни демонстрируют соответственно 11,8 и 36,4% тех, кто признает существование угроз, против 16,3% и 38,3% среди тех молодых респондентов, кто их не видит. Среди родителей это соотношение составляет 10,5% (полностью) и 33% (частично) к 14,2% (полностью) и 39% (частично).

Особенно заметно влияют на снижение удовлетворенности условиями жизни разрушения исторических памятников. В группе не замечающих существования этой угрозы доля удовлетворенных своей жизнью (полностью и скорее удовлетворенных) составляет 57,4% среди молодежи и 54,6% среди представителей старшего поколения, а в группе обеспокоенных утратой памятников культуры удовлетворены условиями жизни 43% молодежи и 38,7% родительского поколения.

В зависимости от угроз социокультурной безопасности изменяется восприятие социальной атмосферы в регионе. Как видно из табл. 3, среди респондентов, не рефлексирующих угрозы, значительно выше доля молодежи и представителей старшего поколения, характеризующих атмосферу в своем регионе как спокойную (средние суммарные значения равны соответственно 61,2 и 59,2%), по сравнению с теми, кто отметил существование угроз (соответственно 49 и 50,6%). А в группе отметивших социокультурные угрозы доля респондентов, характеризующих атмосферу как напряженную, равна 33,7% среди молодежи и 34,8% – среди родителей. Это значительно превышает оценки напряженности среди не признающих существование этих угроз (соответственно 23,5 и 24,8%). В наибольшей степени оценки социальной

напряженности в регионе коррелируют с разрушениями памятников культуры (37,6% среди молодежи и 39,2% в родительском поколении), утратой исторической памяти (соответственно 34 и 36,6%), разрушением нравственных ценностей (33,3 и 32,5%).

Таблица 3. Связь угроз социокультурной безопасности с оценкой социальной атмосферы в регионе

Угроза	Степень проявления угроз	Оценка социальной атмосферы в регионе, %							
		Молодежь 18–29 лет				Население старше 40 лет			
		Спокойная	Напряженная	Взрывоопасная	Запутались с ответом	Спокойная	Напряженная	Взрывоопасная	Запутались с ответом
Разрушение памятников культуры	Существуют	46,0	37,6	4,0	12,4	45,8	39,2	4,2	10,8
	Не существуют	62,8	21,4	5,0	10,8	60,6	23,5	4,0	11,9
Утрата исторической памяти	Существуют	48,0	34,0	4,3	13,7	49,4	36,6	4,8	9,2
	Не существуют	60,7	24,1	5,2	10,1	59,7	24,8	3,5	12,0
Утрата культурных традиций	Существуют	52,5	30,1	4,7	12,7	53,6	31,1	4,1	11,2
	Не существуют	58,5	26,1	4,1	11,3	57,3	27,0	3,9	11,8
Разрушение нравственных ценностей	Существуют	49,4	33,3	3,4	14,2	53,7	32,5	3,4	10,5
	Не существуют	62,9	22,6	4,5	10,1	59,3	24,1	4,8	11,9
Средние суммарные значения	Существуют	49,0	33,7	4,1	13,2	50,6	34,8	4,1	10,5
	Не существуют	61,2	23,5	4,7	10,6	59,2	24,8	4,0	12,0

Между тем существующие угрозы социокультурной безопасности далеко не однозначно отражаются в социальном самочувствии младших возрастных групп.

Степень отражения различных чувств в состоянии (самочувствии) молодежи оценивалась по семибальной шкале на основе ответов на вопрос: «В какой степени отражают ваше состояние за прошедший год следующие чувства – надежда, уверенность, безразличие, тревога, страх, возмущение, растерянность?» Степень влияния определялась уровнем связи анализируемых угроз с самооценками эмоциональных состояний (табл. 4).

Таблица 4. Влияние угроз социокультурной безопасности на социальное самочувствие молодежи

Угроза	Степень влияния на социальные чувства, К*						
	Надежда	Уверенность	Безразличие	Тревога	Страх	Возмущение	Растерянность
Разрушение памятников культуры	4,45	3,92	2,78	3,84	2,99	3,48	3,02
Утрата исторической памяти	4,79	3,69	2,86	3,64	2,63	3,52	2,95
Утрата культурных традиций	4,65	3,82	2,88	3,60	2,64	3,37	2,84
Разрушение нравственных ценностей	4,67	3,95	2,72	3,45	2,69	3,17	2,72
Средние значения К	4,64	3,84	2,81	3,63	2,74	3,38	2,88

* К – средневзвешенный коэффициент по семибальной шкале оценок.

Как показали данные табл. 4, угрозы в социокультурном субсредовом локусе не становятся главным дестабилизатором эмоционального состояния молодежи. Характерно, что доминанта позитивных настроений, присущая молодому поколению, мало изменяется в этом случае. Проявления надежды

(среднее суммарное значение 4,64) и уверенности (3,84) явно преобладают над другими чувствами, что отражает особенности восприятия молодежью социальной реальности в целом. Более того, нельзя не заметить наибольшую интенсивность положительной связи надежды со всеми угрозами в социокультурном субсредовом локусе. Угрозы рассматриваются молодым поколением не столько как источник растерянности или страха (коэффициенты ниже 3), сколько как новые возможности. Особенно это касается разрушения культурных традиций, нравственных ценностей и утраты исторической памяти, традиционно являющихся предметом беспокойства более консервативной части общества. Для молодежи в этом проявляется открытость обновлению, стремление к еще большей эмансипации, понимаемой как освобождение от традиционных ограничений. Этот процесс более сложный и включает взаимодействие базовых и ситуационных установок сознания, вытекающих из актуального и исторически обусловленного опыта. Предыдущие исследования достаточно наглядно показали, что декларативно отвергаемые традиционные образцы на уровне архетипических и ментальных структур коллективного бессознательного способны занимать весьма прочное место, фактически влияя на эмоциональное восприятие окружающей действительности, ее оценки и поведение.

Вместе с тем значения связи угроз с тревогой (3,63) и возмущением (3,38), которые, хотя не являются высокими, едва ли статистически незначительны. В процентном выражении в связи с угрозой разрушения памятников культуры чувство тревоги ниже среднего уровня (1 + 2 + 3) испытывают 44% молодежи, а выше среднего (5 + 6 + 7) 36,8%. Чувство возмущения – соответственно 52 и 31,2%. Из этого следует, что треть молодежи испытывает ощутимую эмоциональную напряженность, усиление или ослабление которой может быть связано со сложными реакциями на средовые условия и проводимую в регионе политику по сохранению материального культурного наследия. Не случайно реакция напряжения на утрату исторических памятников выражается у молодежи острее, чем на распад образцов духовной культуры (норм, традиций), из чего следует, что социальные ожидания молодежи в социокультурной сфере формируются в русле современных, точнее европейских, тенденций. Стремление сохранять материальное культурное и историческое наследие сопровождается у молодежи выбором в пользу современных нормативных регуляторов поведения.

В целом уровень социальной напряженности в анализируемых регионах нельзя назвать критическим. Взрывоопасной социальную атмосферу охарактеризовали менее 5% молодежи и представителей старшего поколения, причем как среди признающих существование угроз социокультурной безопасности, так и непризнающих. Следовательно, рискогенность социокультурной среды обитания не приводит напрямую к радикализации социальных настроений, но оказывает влияние на удовлетворенность условиями жизни и атмосферу в среде постоянного проживания. Но они, в свою очередь, способны влиять на обострение других противоречий.

Литература

1. Евдокимов М.Ю., Евдокимова Е.В. Историко-культурное и природное наследие в региональном развитии (на примере Смоленской области). Смоленск, 2002. 115 с.

2. Никифорова А.А. Памятники природно-культурного наследия в регионах ресурсного типа: особенности охраны. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2013. 127 с.
3. Центральный совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. URL: <http://www.voorik.ru/our-heritage/status-cultural-heritage/> (дата обращения: 02.12. 2015).
4. Гидденс Э. Устроение общества : Очерк теории структуризации. М. : Академия, 2005. 528 с.
5. Государственный доклад о состоянии культуры в РФ в 2016 г. URL: https://www.mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2017_new/Gosudarstvennyj-doklad-o-sostojanii-kultury-v-Rossijskoj-Federacii-v-2016-godu.pdf (дата обращения: 15.02. 2018).
6. Ежегодный государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2013 году. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70635190/#ixzz59iOq8K4d> (дата обращения: 15.02. 2018).

Yulia A. Zubok, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: uzubok@mail.ru

Vladimir I. Chuprov, Institute of Socio-Political Research under the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: chuprov443@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 43. pp. 148–160.

DOI: 10.17223/1998863X/43/14

RISKOGENICS OF THE SOCIOCULTURAL HABITAT AS A FACTOR OF SOCIAL SENTIMENT FORMATION

Keywords: cultural environment; sociocultural habitat; threats; risk; social sentiment.

The vulnerability of a sociocultural locus in three groups of factors – natural, anthropogenic and technogenic – predetermines habitat degradation under their unregulated influence. The habitat considerably loses its historical and cultural uniqueness, but risk escalation connected with the destruction of the visual shape of cultural and historical landscapes can negatively influence the identity of people living in these territories. Owing to the compatibility with the riskogenic environment the consciousness, emotional condition and behaviour of people change. Risks become social, they are accumulated when people design their own social reality and are concretised in ideas of it, influencing not only the perception of external environment, but people's life. The analysis of the connection was carried out on the basis of the data of expert and mass polls in regions with the maximum and minimum levels of environmental and technology-related risks that have an impact on the sociocultural subenvironment locus. The threats experts noted – the destruction of historical and cultural objects, historically developed cultural infrastructure and the basic foundations of national identity – are reflected on by the population in a different way. Due to the assessment of the level of life stability, satisfaction with life conditions, assessment of the social atmosphere in the region, the perception of the environment as riskogenic is not the same in different age groups. There is a raised reflection on threats connected with cultural monuments demolition, losses of historical memory, cultural traditions, ethical standards destruction, feelings of uncertainty and risk. A decrease in satisfaction with life conditions happens, to a great extent, under the influence of historical monuments demolition. Deterioration of the cultural atmosphere in the region and, in this regard, growth of social tension in the regions correlate with the demolition of cultural monuments, loss of historical memory, destruction of moral values. Herewith, the analysed threats ambiguously impact the social feeling of the youth with their greatest optimism towards social reality as well as the modern approach to the preservation of historical and cultural heritage which combines protection of material objects of culture with the updating of cultural traditions and moral standards.

References

1. Yevdokimov, M.Yu. & Yevdokimova, E.V. (2002) *Istoriko-kul'turnoye i prirodnoye naslediyе v regional'nom razvitii (na primere Smolenskoj oblasti)* [Historical, cultural and natural heritage in the regional development (a case study of Smolensk Region)]. Smolensk: [s.n.].
2. Nikiforova, A.A. (2013) *Pamyatniki prirodno-kul'turnogo naslediya v regionakh resursnogo tipa: osobennosti okhrany* [Monuments of natural and cultural heritage in resource-type regions: features of preservation]. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University.

3. Central Council of the All-Russian Society for the Protection of Monuments of History and Culture. (n.d.) *Sostoyaniye istoriko-kul'turnogo naslediya* [The state of historical and cultural heritage]. [Online] Available from: <http://www.voopik.ru/our-heritage/status-cultural-heritage/>. (Accessed: 2nd December 2015).
4. Giddens, A. (2005) *Ustroyeniye obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration]. Translated from English by I. Tyurina. Moscow: Akademiya.
5. Russian Federation. (2017) *Gosudarstvennyy doklad o sostoyanii kul'tury v RF v 2016 g.* [State Report on the State of Culture in the Russian Federation in 2016]. [Online] Available from: https://www.mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2017_new/Gosudarstvennyj-doklad-o-sostojanii-kul'tury-v-Rossijskoj-Federacii-v-2016-godu.pdf. (Accessed: 15th February 2018).
6. Russian Federation. (2014) *Yezhegodnyy gosudarstvennyy doklad o sostoyanii kul'tury v Rossiyskoy Federatsii v 2013 godu* [Annual State Report on the State of Culture in the Russian Federation in 2013]. [Online] Available from: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70635190/#ixzz59iOq8K4d>. (Accessed: 15th February 2018).